

Н. Прянишников ПИСАТЕЛИ-
КЛАССИКИ
В ОРЕНБУРГСКОМ
КРАЕ

ор 82
П-85

Н. Прянишников ПИСАТЕЛИ
КЛАССИКИ
В ОРЕНБУРГСКОМ
КРАЕ

●
ИЗДАНИЕ
ЧЕТВЕРТОЕ

830365
16

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА ИМ. Н. И. КРУДСКОГО

ЧЕЛЯБИНСК • 1977

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

советские читатели с живейшим интересом относятся к биографиям любимых писателей. Этот интерес естествен и законен: знание био-

графии писателя помогает полнее и глубже понять его творчество. В частности, немаловажное значение имеет знание географической родины писателя, особенно если знание это — «очное». Еще Гете говорил, что тот, кто хочет по-настоящему понять поэта, должен поехать в его страну. В самом деле, кто бывал, скажем, в Орловской области, тот будет воспринимать пейзажную лирику Тургенева проникновеннее и, так сказать, интимнее, нежели тот, кто никогда в этой полосе России не был.

Но нас интересуют не только те места, где данный писатель родился и вырос или где он преимущественно жил, но также и все те, где он вообще бывал в течение своей жизни, хотя бы неподолгу. Отсюда наш интерес к «пушкинским местам» (Михайловское, Болдино, Гурзуф, Кишинев и др.), лермонтовским, чеховским и т. д. Учитывая этот «литературно-географический» интерес читателей, наши издательства, в виде дополнения к биографиям писателей-классиков, издают альбомы соответствующих «литературных мест», а к самим биографиям иногда прилагают специальные картограммы, на которых особой линией, соединяющей ряд определенных географических точек, обозначены все передвижения, какие писатель совершил в течение своей жизни.

Однако можно поставить вопрос иначе: можно взять не того или иного писателя в его пространственных передвижениях, а тот или иной город (или область) и проследить во времени, кто из писателей в этом городе (или области) был (родился, жил, бывал). Если в первом случае мы имеем «географическую кривую» той или иной писательской биографии, то во втором случае мы можем получить нечто вроде литературной биографии данного географического места (города, области, края).

Город Оренбург, равно как и Оренбургская область в целом, представляет собою довольно благодарный объект для подобного обследования. Правда, Оренбург не принадлежит к числу тех провинциальных городов старой России, где была своя более или менее интенсивная литературная

жизнь (как, например, в Воронеже, Нижнем Новгороде, Самаре), но в нем перебывало в свое время немало известных писателей, вследствие чего он довольно часто упоминается в летописях нашей классической литературы. Державин, Крылов, С. Аксаков, Пушкин, Даль, А. К. Толстой, Шевченко, Плещеев, Михайлов, Л. Толстой, Глеб Успенский, Короленко — таков неполный перечень писателей-классиков, которые бывали в Оренбургском крае и были так или иначе (кто длительно, кто кратковременно) связаны с ним. Одни из них были уроженцами Оренбургского края (С. Аксаков, Михайлов) или провели в нем часть своего детства (Державин, Крылов); другие приезжали сюда с определенными творческими намерениями и планами (Пушкин, Глеб Успенский, Короленко); третьи, гонимые царским самодержавием за революционный образ своих мыслей и действий, отбывали здесь политическую ссылку (Шевченко, Плещеев); четвертые, наконец, попадали сюда на более или менее длительный срок по каким-либо иным обстоятельствам своей биографии (Даль, Л. Толстой), причем, оказавшись в пределах Оренбургского края, они (как и те, кто жил здесь невольно) проникались к нему определенным интересом.

Нужно сказать, что Оренбургская губерния всегда слыла интересным краем, привлекавшим внимание ученых, путешественников, общественных деятелей и писателей. Привлекали к себе необъятные просторы Оренбургского края с его девственной степной природой и богатыми недрами. Интересовала история края — как древняя, когда он был воротами из Азии в Европу, так и позднейшая, когда обширная территория его была ареной народных движений и восстаний, в том числе самого грандиозного из них — Крестьянской войны 1773—1775 гг. под руководством Емельяна Пугачева. Наряду с географией и историей большой интерес представляла этнография края, расположенного на стыке с Сибирью и Средней Азией, — своеобразная «смесь племен, наречий, состояний», в частности, хозяйственно-бытовая экзотика казачьих общин. Немало интересных особенностей, по сравнению с центральной Россией, было и в жизни оренбургского крестьянства, в его социально-экономическом положении, в быту и типе местного крестьянина.

Самый Оренбург во времена Пушкина и Даля (и тем более позднее) был не только городом чиновников и куп-

цов. В нем не переводились интересные люди, которые здесь, на далекой и глухой окраине, были носителями русской культуры и своей скромной деятельностью (в качестве педагогов, врачей, библиотечных работников, любителей-краеведов) приносили немалую пользу своему городу и краю. Именно в этой среде находили моральную поддержку отбывавшие здесь ссылку Шевченко и Плещеев.

С другой стороны, удаленная от центра Оренбургская губерния была типичной царской сатрапией, где все темное и отрицательное, что было характерно для царской России, распускалось махровым цветом и существовало как бы возведенным в квадрат: административный произвол был безудержным, эксплуатация трудящихся — беззастенчивой, отсталость и бескультурье — вопиющими. Все это представляло для приезжавших сюда писателей особый интерес как материал для критики и сатиры.

Сведения о том, когда и кто из писателей-классиков был в Оренбургском крае, рассеяны во множестве различных изданий дореволюционного времени, и вряд ли нужно говорить о том, что свод этих сведений (более или менее полный) должен представлять несомненный интерес для читателя и особенно для читателя-оренбуржца.

Интерес этот двоякий. Во-первых, интерес к самим фактам пребывания в Оренбурге или в Оренбургском крае того или иного писателя-классика. Так, например, история оренбургской поездки Пушкина, интересная для каждого читателя, для оренбургского читателя интересна вдвойне, как история посещения великим поэтом того самого города, который является его, читателя, родиной или местом жительства.

С другой стороны, тема «Писатели-классики в Оренбургском крае» представляет для местного читателя большой краеведческий интерес. Почти все писатели, бывавшие в Оренбургском крае, отразили свои впечатления от него в своих произведениях или в своих письмах и дорожных дневниках, и если собрать воедино все «оренбургские» страницы у каждого из них, они могли бы составить большую и интересную литературно-краеведческую хрестоматию по Оренбургскому краю, каким он был в прошлом и отчасти позапрошлом веке.

Все написанное писателями-классиками об Оренбургском крае приобретает особый интерес для современного читателя, отделенного от них целой эпохой, в течение ко-

торой произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, в корне изменившая лицо нашей страны и, в частности, Оренбургского края. «Оренбургские» страницы в произведениях живших или бывавших здесь писателей-классиков дают возможность сопоставить бывшую Оренбургскую губернию с нынешней Оренбургской областью в свете тех огромных социально-экономических и культурно-бытовых изменений, которые произошли за годы Советской власти.

Прежняя Оренбургская губерния была захолустной и полупустынной окраиной. Нынешняя Оренбургская область — полноценная часть великой социалистической державы.

Когда-то пушкинский Гринев ехал в Оренбург в самом мрачном настроении. «Итак,— думал он,— все мои блестящие надежды рушились! Вместо веселой петербургской жизни ожидала меня скука в стороне глухой и отдаленной». На героя шевченковской повести «Близнецы» один вид Оренбурга «наводил сон». Современный Оренбург — значительный культурный и промышленный центр, имеющий ряд крупных промышленных предприятий и несколько высших учебных заведений. Трудящиеся Оренбурга сыграли большую роль в деле борьбы за Советскую власть и утверждения ее в крае. Знаменитый акын Казахстана Джембул, обращаясь к новому, пооктябрьскому Оренбургу, так характеризовал его:

И настали другие дни,
Старый город степей — Орымбор!
Засияли другие огни,
Озаряя степной простор.

Если б встал из могилы Пугач
И Бекета нашлись следы,
Если б степью промчался вскачь
Наш любимый Амангельды —

Их бы встретил, как лучших друзей,
И повел по душам разговор
Город радуг, садов и огней,
Расцветающий Орымбор.

Их бы встретил, как лучших гостей,
Постелив им чудесный ковер,—
Тоем¹, песнями, шумом затей,
Хлебосольный, родной Орымбор.

¹ Той (казах.) — пир.

Так живи и богатство копи
И огнями мани, как костер,—
Большевистская крепость в степи,
Наш советский навек, Орымбор!¹

В этом братском приветствии новому, советскому Оренбургу знаменательно напоминание о прежних борцах за народную волю и как бы утверждение традиций борьбы: потомки пугачевцев стойко и смело боролись за Советскую власть против дутовских банд и колчаковских генералов.

Большие перемены произошли за годы Советской власти и в других городах бывшей Оренбургской губернии. Рядом с бывшей Орской крепостью, подъезжая к которой, герой шевченковской повести спрашивал себя, поют ли в ней песни (так она была мрачна и уныла), и которую, по его мнению, казахи правильно называли «яман-кала», т. е. «плохой город»,—ныне вырос новый, социалистический Орск—бурно растущий индустриальный город с целой системой важнейших предприятий союзного значения.

Другой пример—Бугуруслан. До революции это был дремотный уездный городок, единственным достоинством которого было его живописное местоположение, бегло отмеченное Жуковским. Теперь, как известно, это одно из значительных мест на «нефтяной» карте Советского Союза, часть так называемого «второго Баку». Кроме того, за годы пятилеток в восточной части Оренбургской области возникли и выросли новые социалистические города, на месте которых в бывшей Оренбургской губернии не было даже поселков: это Медногорск и Ново-Троицк. Не говорим уже о Магнитогорске, возникшем на месте Магнитной, одной из бывших станиц Оренбургского казачьего войска, а также о блистательной судьбе Челябинска, б. уездного города Оренбургской губернии.

Огромные изменения произошли за годы революции и в селах Оренбуржья. Прадедовская соха, эффективность которой при обработке оренбургской «нивы» Глеб Успенский приравнивал к эффективности «столовой ложки при наливе парохода нефтяными остатками», цеп, просуществовавший как орудие молотбы с аксаковских времен вплоть до Октябрьской революции, и прочие столь же примитивные земледельческие орудия ныне, в условиях социалистического земледелия, отошли в область преданий.

¹ Джамбул. Песня об Орымборе.—«Степные огни», 1938, № 1.

Для обработки огромных земельных массивов, закрепленных за колхозами и совхозами Оренбургской области, Советское государство вооружило их передовой техникой, которая несравнимо с прежними временами повысила культуру земледелия, облегчила сельскохозяйственный труд, подняв его до уровня труда индустриального, и вместе с тем увеличила его продуктивность, и ныне Оренбургская область в числе других районов юго-востока СССР является житницей зерна и производительницей замечательной пшеницы, которую еще Л. Толстой оценил как лучшую в мире.

Некоторые из писателей-классиков как бы завещали нам бережное отношение к лесным насаждениям, сохранение и приумножение которых имеет столь важное значение в борьбе с суховеями. Так, Аксаков с тревогой предостерегал своих читателей-земляков насчет пагубных последствий хищнического лесоистребления. Шевченко сетовал по поводу отсутствия зеленых насаждений в прилегавших к Оренбургу селах, а на пути к Аральскому морю был взволнован зрелищем одинокого «святого дерева» и казахской легендой о нем. Глеб Успенский, любясь «очаровательными местами» на пути из Оренбурга в Уфу, обратил внимание на «чудные рощицы», попадавшиеся там и сям, и подчеркнул их значение, как естественной «охраны всего растущего от жгучих ветров песчаных пустынь». Короленко, проезжая полвека тому назад по нынешним Ташлинскому и Мустаевскому районам Оренбургской области, отметил характерные для этих мест переносные пески и их вредоносность для тамошних речек и растущих по их берегам деревьев...

Октябрьская революция, разрешив земельный вопрос, положила конец переселенческому движению в том виде, в каком оно существовало до революции. Но в наши дни возникло новое движение на восток и, в частности, на просторы Оренбургской области, какого не было и не могло быть в старой, дореволюционной России. На помощь населению нашей области в деле освоения целинных и залежных земель по зову Коммунистической партии и Советского правительства прибыли тысячи патриотов со всех концов нашей необъятной Родины. Если слово переселение понимать в общем и буквальном смысле, как географическое перемещение, то это — тоже переселенцы, но какая разница между ними и пересе-

ленцами былых времен, тяжкое положение которых описал Глеб Успенский в своих очерках «От Оренбурга до Уфы»! Тогда мотивом к переселению была нужда и горькая необходимость; ныне — энтузиазм и сознательное стремление участвовать в большом всенародном деле. Тогда уделом новоселов были нищета, неустроенность, беспощадная эксплуатация со стороны земельных собственников и бесконечные мытарства; новоселы нашего времени и в своем почетном труде, и в своем отдыхе ощущают повседневную и любовную заботу о себе со стороны партии, правительства и всего советского народа. Чтобы оценить должным образом всю разницу в жизни былых и современных новоселов оренбургских степей, достаточно сопоставить описанный Глебом Успенским переселенческий хутор с его кошмарными землянками и те, обеспеченные всеми благами советской культуры превосходные поселки, которые возникали на месте новых совхозов в восточных районах Оренбургской области.

«Чем лучше мы будем знать прошлое,— учил А. М. Горький,— тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего».

Первоочередную важность при этом имеет для каждого знакомство с прошлым своего края, приобретающее особую цену, когда оно осуществляется с помощью лучших наших писателей-классиков — от Пушкина до Короленко.

* *
*

Книга «Писатели-классики в Оренбургском крае» — не монография, а сборник очерков на данную тему. Тема эта — двуединая: о писателях и о крае. О каждом писателе говорится постольку, поскольку он был связан с краем, а о крае постольку, поскольку он фигурировал в биографии того или иного писателя и получил отражение в его описаниях и высказываниях. Некоторые уклонения за пределы этой соотносительности диктовались лишь соображениями информационно-справочного порядка. Таковы, например, краткие общие сведения о некоторых писателях, менее известных широкому читателю, чем, скажем, Пушкин или Лев Толстой.

**ГАВРИЛА
РОМАНОВИЧ
ДЕРЖАВИН**

дин из районов Оренбургской области назывался Державинским по имени знаменитого русского поэта XVIII века.

В с. Державино, центре

этого района, было когда-то имение, принадлежавшее Гавриле Романовичу Державину (1743—1816).

Державин был связан с Оренбургским краем с самого начала своей биографии. Родился он в Казани, но отец его, мелкопоместный дворянин и армейский офицер, последние годы своей жизни (1749—1754) служил в Оренбурге, и здесь будущий поэт получил первоначальное образование.

Биограф Державина акад. Я. Грот сообщает, что первый оренбургский губернатор Неплюев «с целью иметь более рук» для застройки только что основанного Оренбурга «исходатайствовал, чтобы в этот город, вместо Сибири, ссылаемы были преступники из купцов и мастеровых. Таким-то образом попал туда между прочими приговоренный к каторжной работе немец Иосиф Розе. С обычною сметливостью заезжего иностранца он сумел извлечь выгоду из своего положения и завел в Оренбурге «школу для мальчиков и девочек».

Вот в эту-то «школу» и был помещен будущий поэт, когда ему было около девяти лет. Тяжелые воспоминания остались у него от пребывания в ее стенах. Содержатель школы «был не только достойный земляк Фонвизина Вральмана, попавшего в наставники из кучеров, но еще и такой образец, с которого копия далеко оставила бы за собою Адама Адамовича. Он был развратен и жесток, изобретал для своих учеников мучительные, а подчас даже и неблагопристойные наказания, и вместе с тем был круглый невежда: обязываясь преподавать немецкий язык, он сам не знал его грамматики и заставлял своих учеников только затверживать и переписывать вокабулы, которые писал для них красивым почерком».

Тем не менее пробыв у Розе года два или три, Державин «умел уже читать, писать и говорить по-немецки... Другим приобретением Державина в оренбургской школе был твердый, красивый почерк, который ему сообщил Розе, как отличный каллиграф, а оттуда и успехи мальчика в

рисовании пером. Не любя оставаться без дела, он рано пристрастился к этому занятию»¹.

Характерно при этом, что будущий «певец величия» России, как назвал Державина Гоголь, уже тогда — в роли маленького художника-самоучки — имел особое пристрастие к «срисовыванию разных богатырей с лубочных картинок, купленных у ходебщиков».

Отец поэта за год до своей смерти получил от казны 300 четвертей пахотной земли с лесами и прочими угодьями по реке Кутулуку в Бузулукском уезде. Это «пожалование» и послужило началом основания села Державино. Мать поэта перевела сюда небольшое число тамбовских крестьян, унаследованных от первого ее мужа, а также 37 крепостных крестьян, купленных ею в Ставропольском ведомстве на Поволжье. Позднее сам поэт увеличил размеры оренбургского имения покупкой смежных земель у своих соседей башкир и переселил сюда часть крестьян из других своих имений: из Белоруссии, из Арзамасского уезда, из родовых казанских деревушек. Переведенные крестьяне образовали несколько смежных деревень: Романовку, названную так по имени отца поэта, Феклинку — по имени матери, Гавриловку — по имени самого поэта и Екатериновку — по имени его первой жены. Впоследствии все эти деревни слились в одно село Державино-Смоленское (второе название — от белорусских поселенцев), и названия их сохранились в названиях составных частей села².

После смерти отца поэта семья его переехала в Казань, где Державин учился в гимназии. В годы пугачевского восстания он бывал в пределах Оренбургского края в качестве офицера, состоявшего в распоряжении генерал-аншефа Бибикова, когда последний был назначен командующим войсками, действовавшими против Пугачева.

Позднее Державин уже не бывал в своей оренбургской вотчине, но уделял ей большое внимание, особенно с тех пор, как, будучи назначен кабинетским секретарем и сенатором, должен был жить в Петербурге (после двукратного губернаторства — в Петрозаводске и Тамбове).

«Чтобы жить в Петербурге сообразно с своим положением, — пишет его биограф, — надо было подумать об уве-

¹ Я. Грот. Жизнь Державина, СПб., 1880, т. 1, с. 28—30.

² С. Попов. Село Державино. — «Чкаловская коммуна» от 21 июля 1948 г.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66